

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Ю.Г. КОРГУНЮК

ПОЧЕМУ НЕ ПАРТИИ? КОМПЕТЕНТНЫЙ ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Рецензия на книгу: Hale H. *Why not parties in Russia? Democracy, federalism, and the state.* – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 275 p.

Работам иностранных политологов, посвященным российской политике и истории, присуще одно свойство, совмещающее как положительный, так и отрицательный аспекты, – они практически всегда представляют собой взгляд со стороны – или даже с птичьего полета. Разумеется, иностранцы подмечают в нашей действительности детали, незаметные нам, россиянам, потому что увидеть их можно только на расстоянии, причем не «сбоку», а «сверху». Но в то же время зарубежные авторы абсолютно не понимают некоторых нюансов, которые в России понятны даже детям, и это несколько портит впечатление от прочитанного.

Книга профессора университета Дж. Вашингтона Генри Хэйла «Россия: почему не партии? Демократия, федерализм и государство»¹ относится к тем редким исключениям, когда исследование иностранного автора, сохраняя достоинства взгляда со стороны, лишено его недостатков. Монография опубликована уже

¹ Иногда название книги переводят «Почему в России нет партий?», но это неверно, поскольку тогда по-английски оно звучало бы «Why there is no parties in Russia?». Да и из самого содержания работы следует, что автор вовсе не отрицает наличия в России политических партий.

достаточно давно, однако в российской литературе ей не было уделено того внимания, какого она заслуживает (во всяком случае, нам неизвестно ни одной рецензии на нее в специализированном научном издании).

Автор задается вопросом, почему за 15 лет, начиная с первых относительно свободных «горбачёвских» выборов, российские политические партии так и не стали становым хребтом российской политической системы [Hale, 2006, р. 3]. Рассматривая в первой главе («Электоральные рынки и “шведский стол” российской политики») обширный массив исследований, посвященных российским политическим партиям, он отмечает наличие «оптимистической» и «пессимистической» точек зрения. Первая из них обнаруживает в России достаточно развитую партийную систему, тесно связанную с социальными и политическими размежеваниями, более или менее укорененную в избирателе. Вторая делает акцент на том, что партии в России так и не смогли «освоить» госаппарат и завоевать ведущую роль на политической сцене. По мнению Хэйла, рациональное зерно есть и в той и в другой точках зрения [Hale, 2006, р. 7], поскольку у политических партий постсоветской России нашлись сильные конкуренты, которых он называет «заместителями партий» (party substitutes) и к числу которых относит губернаторские «политические машины» (political machines of provincial governors) и вовлеченные в политику финансово-промышленные группы (politicized financial-industrial groups) [Hale, 2006, р. 7]. Ответу на вопрос, отчего так вышло, посвящены остальные четыре главы.

Во второй главе («Партийное предпринимательство на российском электоральном рынке (1989–2005)») представлены основные тезисы концепции наследия «патrimonialного коммунизма»¹, повлиявшего на эволюцию партийной системы страны, дается очерк развития избирательного и партийного законодательства в постсоветской России, а также излагаются соображения автора относительно того, почему одним партиям, хотя бы раз преодолевшим 5%-ный барьер, удалось закрепиться в Госдуме, а другие вынуждены были покинуть «премьер-лигу».

¹ При этом автор, конечно же, ссылается на знаменитую работу Г. Китчельта, З. Мансфелдову, Р. Марковского и Г. Тока [Kitschelt, Mansfeldova, Markowski, Toka, 1999], из которой эти тезисы и взяты.

Это, пожалуй, наименее интересная часть книги. Выдвинутые здесь предположения не отличаются ни новизной, ни оригинальностью. В большинстве своем они были высказаны еще российскими политическими обозревателями-журналистами непосредственно по итогам соответствующих избирательных кампаний и в дальнейшем без ссылок перекочевали в труды российских и зарубежных политологов. А самое главное – они остаются не более чем догадками, не подтвержденными дополнительными аргументами и ссылками на новые источники (Хэйл опирается в основном на произведения тех самых политологов, которые в свое время повторили суждения тех самых журналистов).

Зато в третьей главе («Сколько партий в партийной системе?») представлены результаты очень важной работы. С помощью математических методов, прежде всего множественной логистической регрессии, автор проверил, насколько голосование за те или иные партии было обусловлено идейными предпочтениями и социальным положением избирателей. Для этого Хэйл привлек данные социологических опросов, биографии кандидатов, избирательную статистику и статистику голосований в Госдуме. В итоге он сделал вывод о достаточно высокой степени этой обусловленности [Hale, 2006, р. 114–115]. В частности, констатирует автор, избиратели «партии власти» в начале 2000-х имели самые оптимистичные взгляды относительно перспектив экономического роста, выступали за рынок и сильную президентскую власть, а также за партнерские отношения с Западом, тогда как КПРФ привлекала к себе «антирыночников», а «Яблоко» – демократически настроенных граждан [Hale, 2006, р. 106]. Хэйл отмечает также, что в конце 1990-х годов шансы партийных кандидатов избраться в Госдуму по одномандатным округам по сравнению с непартийными кандидатами значительно выросли [Hale, 2006, р. 126], а уровень партийной дисциплины при голосовании в Госдуме за те же 1990-е заметно повысился [Hale, 2006, р. 133].

Таким образом, приходит к выводу автор, на протяжении 1993–2004 гг. роль партий в российской политике росла, а выбор избирателя во многом обуславливался партийными предпочтениями [Hale, 2006, р. 148–149]. С другой стороны, признает он, при Путине «партийно-мотивированный» выбор избирателей во многом стал голосованием за «партию власти», а в избирательной сфере продолжали существовать «серые зоны», в которых партий-

ность кандидата играла крайне незначительную роль, – например, на губернаторских выборах или на выборах по мажоритарной системе в региональные собрания [Hale, 2006, р. 149]. Партии, констатирует Хэйл, сумели приблизиться к избирателю, научились мобилизовать организационные и материальные ресурсы, однако это не помогло им взять под контроль наиболее значимые органы власти [Hale, 2006, р. 149].

Казалось бы, в этих выводах тоже нет ничего нового – то же самое неоднократно говорили российские и зарубежные авторы. Но Хэйл подтверждает свои гипотезы расчетами, а это дорого стоит. Вспомним, что теорема Ферма появилась в 1637 г., а доказана была только в 1994 г., причем средствами, которых заведомо не могло существовать в XVII в.; гипотеза Пуанкаре сформулирована в 1908 г., доказана только в 2002-м и т.д. Вот и политологам пора не только выдвигать гипотезы, но и снабжать их доказательствами и, желательно, как можно более близкими к математическим. Впрочем, нельзя сказать, что российские партологи не используют количественных методов при анализе статистических, биографических и прочих данных. Например, Г. Голосов еще в 2003 г., т.е. за три года до выхода книги Хэйла, использовал линейную регрессию для построения модели, показывающей, насколько партийность кандидата способствовала его успеху на выборах [Голосов, 2006] (вывод, правда, получился отрицательным). Однако Хэйл ставит более широкие задачи и привлекает более разнообразный эмпирический материал.

В четвертой главе («Электоральные рынки и “заменители партий” в России») автор прослеживает историю возникновения наиболее влиятельных «партийных суррогатов» – региональных (губернаторских) «политических» машин и политизированных финансово-промышленных групп. Причины их успеха, по мнению Хэйла, заключались как в наследии советского прошлого, когда руководители крупных предприятий являлись «благодетелями» и «кормильцами» своих работников, так и в особенностях новых реалий, когда стала возможной относительно свободная конвертация власти в капитал, а капитала – во власть [Hale, 2006, р. 195]. Преимущества же «заместителей партий» перед собственно партиями состояли в том, что их кандидаты могли экономить на издержках, которые понесли бы, если бы вышли на выборы под партийным флагом. И именно это помогло «суррогатам» вытеснить партии из

сферах, в которой те не имели «естественных» преимуществ, т.е. на выборах по одномандатным округам [Hale, 2006, р. 195].

Наконец, в пятой главе («Партии и их заместители») Хэйл анализирует варианты развития событий, при которых российские «партийные суррогаты» могли бы эволюционным путем объединиться в мощную общенациональную партию, способную взять под контроль все этажи государственного аппарата, – по аналогии с США, точнее, тем эпизодом их истории, когда будущий президент Мартин ван Бюрен создал в 1820-х годах на базе многочисленных региональных «политических машин» Демократическую партию, объединив ее вокруг другого будущего президента (тогда еще кандидата в президенты) – Эндрю Джексона. Хэйл полагает, что тот же сценарий мог повториться и в России в 1999 г. – в случае успеха на думских выборах блока «Отечество – Вся Россия». Неудача последнего привела к тому, что «партизация» страны пошла по другому пути – прямой интервенции государства в электоральную сферу, в результате чего прежние «партийные заместители» путем банального изменения избирательного законодательства были заменены одним большим «суррогатом» – «Единой Россией» [Hale, 2006, р. 202, 233]. Формально партии одержали победу, на деле же проиграли «усовершенствованной» версии «партийного заменителя».

Работа Хэйла очень убедительна, и, пожалуй, единственное, что не вызывает особого энтузиазма, так это «рыночной подход» (market approach) к теории партий, с позиций которого автор рассматривает историю российских партий и их «суррогатов». По мнению Хэйла, отношение к партиям как к производителям товаров и услуг на электоральном рынке способно разрешить едва ли не все противоречия между разными теоретическими подходами – институциональным, социологическим, историческим, элитистским [Hale, 2006, р. 239].

Именно по апологии «рыночного подхода» и видно, что автор – американец, житель страны, в которой эта доктрина более-менее адекватно соответствует событиям партийной жизни. В США избиратель, и кандидат действительно чувствуют себя своего рода агентами рынка, причем оба хорошо знают свои права и обязанности и не сомневаются, что в случае обмана ожиданий покупатель всегда найдет возможность наказать продавца и что, по большому счету, именно покупатель диктует правила. Но такой подход дает

сбои, как только действие переносится в другую страну. Даже в Европе, где он начал утверждаться с середины 1950-х годов, тенденция к «маркетизации» политической жизни так и называется – «американизацией».

А чем дальше на восток, тем хуже работает рыночная аналогия. Здесь правила диктует уже не «покупатель», а «производитель». Ведь вмешательство в электоральный процесс президентской администрации, губернаторских «политических машин» и финансово-промышленных групп является абсолютно антирыночным, точнее, внерыночным, феноменом. Если о ФПГ еще можно сказать, что они играют по правилам «черного» рынка, покупая товар, который, по идее, вообще не должен продаваться, то чиновники устанавливают правила сами и под себя и меняют их в любой момент, когда посчитают удобным. Поэтому, чтобы понять законы российского «электорального рынка», нужно разбираться, скорее, в том, кто их пишет и каким образом может их нарушить. А это уже совсем другой предмет изучения.

Да и в принципе, как представляется, рыночный подход к политике в целом и партиям в частности так и не вышел по-настоящему на теоретический уровень, оставшись одной из многих допустимых метафор. Политическую жизнь можно сравнить со спортивным соревнованием, с войной, с театральным представлением, и в каждом случае сравнение будет в какой-то мере обосновано и позволит сосредоточить внимание на какой-нибудь малозученной грани. Но не более.

Слабое место рыночного подхода в том, что он охватывает лишь небольшой сегмент функций и ролей, выполняемых политическими партиями, сводя их главным образом к организации электорального процесса, рекрутированию элит и политической мобилизации населения. А ведь есть масса других функций, плохо вписывающихся в рамки этого подхода, – легитимизация режима, формирование массового политического сознания, организация законодательного процесса и многое еще. Причем многие эти функции партии выполняют, так сказать, «в бессознательном режиме». То, что они их все-таки выполняют, выясняется только в результате разносторонних исследований.

Впрочем, возможно, данная претензия к автору чрезмерна, поскольку он и в рамках этого подхода достигает максимально

возможных результатов – хотя, скорее всего, вне всякой зависимости от того, какой именно «теории» придерживается.

Приятно отметить, что работа практически лишена фактических ошибок, которыми полны многие труды не только зарубежных, но и отечественных политологов (с последних, по большому счету, и спрос должен быть строже). Даже когда некая неточность обнаруживается, при более пристальном взгляде становится видно, что за нею стоит не банальное незнание, а какая-нибудь интересная проблема.

В частности, Хэйл упоминает, что на выборах народных депутатов РСФСР 1990 г. первый лидер Демократической партии России Николай Травкин был одним из трех координаторов блока «Демократическая Россия» [Hale, 2006, р. 239].

Дело в том, что у блока не было никаких координаторов. Единственное собрание этого объединения прошло 20–21 января 1990 г., причем сам Травкин на нем не присутствовал. На собрании было утверждено название блока, приняты декларация, платформа, обращение к избирателям и ряд резолюций – но руководящие органы не избирались¹. Откуда же взялась информация, что Травкин был соординатором блока? Поиск выводит на биографическую справку Травкина, размещенную на старой версии сайта «Яблока»² (в конце 1990-х он был членом и этой партии), а туда эти сведения, по всей видимости, попали из справочника ИИЦ «Панорама»³.

О подлинном же первоисточнике данной информации можно узнать из книги А. Любарева [Любарев, 2001]: «Список кандидатов в народные депутаты РСФСР по Москве и депутаты Моссовета, поддерживаемых блоком “Демократическая Россия”, был опубликован в февральском номере газеты “Позиция” (издавалась фондом “Содружество”, который возглавлял член Координационного совета МОИ С.Е. Трубе, тираж – 100 тыс. экз.). Под списком стояли

¹ Пресс-релиз «Создан блок демократических кандидатов России!». – ЦАОПИМ, ф. 8651, оп. 1, д. 66.

² Биография Н.И. Травкина. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Persons/Travkin/travkin_bio.html (Дата посещения: 11.11.2014.)

³ Эту справку можно найти в поддерживаемой ИИЦ «Панорама» базе данных «Лабиринт». – Режим доступа. – <http://www.labyrinth.ru> (Дата посещения: 11.11.2014.). Правда, для того чтобы прочитать ее полный текст, нужно заплатить.

подписи Г.Х. Попова, Н.И. Травкина и С.Б. Станкевича». Получается, что в ходе предвыборной кампании кандидаты от «ДемРоссии» были заинтересованы в поддержке «лучших людей», пользовавшихся в то время немалой известностью (да и популярностью). Вот они и присвоили им задним числом несуществующие должности «координаторов» блока.

Среди прочих неточностей в работе Хэйла можно упомянуть, пожалуй, лишь утверждения, что единственной компартией на думских выборах 1993 г. КПРФ оказалась из-за того, что остальные не успели на них зарегистрироваться [Hale, 2006, р. 64] (на самом деле радикальные компартии объявили этим выборам бойкот), или что на выборах 1999 г. блок «Отечество – Вся Россия», в отличие от относительно «прорыночного» «Единства», выступал за усиление государственного вмешательства в экономику [Hale, 2006, р. 227] (на самом деле позиции двух блоков в этом вопросе практически совпадали – и тот и другой придерживались «умеренно-рыночных» установок). Не так уж много неточностей на целую книжку.

Кроме того, хочется отметить прекрасный язык книги Хэйла и очень грамотную и доступную манеру изложения. Автор нередко использует удачные художественные приемы – вроде образа хрустального шара, с помощью которого участники выборов 1989 г. могли бы заглянуть в будущее. Прежде чем поставить проблему, Хэйл интригует читателя, рассказывая о различиях предвыборной ситуации 1999 г. в Санкт-Петербурге, где главная борьба в одномандатных округах велась между представителями партий, и в Омской области, где партии выполняли роль статистов, а на первый план вышли представители «политических машин» [Hale, 2006, р. 1–2].

В России многие представители академической политологии наверняка обвинили бы Хэйла в излишнем «публицистизме». Но скажем откровенно – самим российским политологам, пишущим зачастую на «подстрочнике с английского», было бы неплохо научиться грамотно, понятно и убедительно излагать свои мысли. Хэйлу этому учиться не надо, он этому научился, видимо, еще в Гарварде. В конце концов, недаром монография «Россия: почему не партий?» получила премию Американской ассоциации политической науки за 2006–2007 г. – плохо написанные книги звания «выдающихся трудов» (*outstanding book*) не удостаиваются.

Список литературы

- Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – М.: Изд-во Европейского института в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
- Любарев А.Е.* Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. – М.: Столпный град, 2001. – 412 с. – Режим доступа: http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch4-5.htm#_Toc514675557 (Дата посещения: 17.11.2014.)
- Hale H.* Why not parties in Russia? Democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 275 p.
- Post-Communist party systems / H. Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, G. Toka. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1999. – 472 p.
- .